

НА ОКСУСЪ И ЯКСАРТЪ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.)

III.

Базары и ихъ публика.

Мы поѣздили-таки, не жалѣя ни лошадей, ни себя, по базарамъ и улицамъ „Благородной Бухары“—„Бухары-эль-Шерифъ“. Она безконечна какъ Москва, но и однообразна же до безконечности! Кажется, цѣлые десятки верстъ проѣзжаешь ея длинными дувалами, мимо ея слѣпыхъ домовъ. Еслибы не какой-нибудь десятокъ большихъ мечетей, роскошно отдѣланныхъ изразцами, да не Риястанъ съ его дворцомъ-тюрьмой, Бухара была бы простая громадная деревня,—и ничего больше. Правда, у нея есть ея знаменитые крытые базары тоже, можетъ-быть, въ добрый десятокъ верстъ длины, если вытянуть въ одну непрерывную линію всѣ ихъ безчисленные закоулочки. Можно сказать даже больше, что вся Бухара есть одинъ сплошной базаръ; но въ какомъ же порядочномъ кишлакѣ Бухарскаго ханства или нашей Туркестанской области нѣтъ крытыхъ базаровъ? Базары Бухары только значительно длиннѣе, значительно просторнѣе и значительно богаче товарами деревенскихъ, но суть ихъ все одна и та же; всѣ они на одинъ образецъ: крытая чортъ знаетъ чѣмъ и чортъ знаетъ чѣмъ затянутая сверху улица, съ крошечными лавочками по обѣимъ сторонамъ. Сверху всякія палки,

тряпки, оборванные рогожи, сбоку—тысячи темныхъ конурокъ, которыхъ весь товаръ умѣстится въ одномъ порядочномъ шкафѣ, и гдѣ, словно въ кіотѣ, неподвижно возсѣдаетъ, поджавъ подъ грузное брюшко свои лѣнивыя ноги, какой-нибудь разжарѣвшійся теджикъ въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ. Онъ сидитъ цѣлые мѣсяцы надъ своимъ товаромъ въ три гроша цѣной и ни за что не отдастъ его иначе, какъ съ крупнымъ барышомъ, отчего ему въ теченіе цѣлыхъ годовъ не приходится обернуть своего капитала, въ то время, какъ европейскій торговецъ, не гонящийся за слишкомъ большимъ процентомъ, успѣваетъ нѣсколько разъ въ теченіе одного года обернуть затраченные на товаръ деньги и въ результатѣ получить съ нихъ гораздо болѣе доходъ. Но восточный человѣкъ не спѣшитъ нажить и вообще не любитъ снѣситься. Ему его товаръ нуженъ для того, чтобы прилично и полезно проводить время, пить, такъ-сказать, положеніе въ мѣстномъ обществѣ, играя почетную роль купца и важно разсуждая въ своей лавочкѣ. А черезъ годъ или черезъ два раскупить у него товаръ его,—какая ему до этого нужда! Его потребности и вкусы такъ скромны, что ему всего хватаетъ, и даже отъ всего остается излишекъ, который онъ иногда не знаетъ куда дѣлать. Мнѣ кажется, что еслибы какой-нибудь злой насмѣшникъ предложилъ бухарскому купцу пролатъ ему сразу по выгодной цѣнѣ весь товаръ его лавочки, Бухарецъ серьезно обидѣлся бы и ни за что не рѣшился бы разстаться съ этою утѣшающею его забавой; такъ ему дорогъ самый процессъ поджиданія покупателей, раскладываніе и складываніе тюковъ, торговли до пота, болтовня и веселой сутолки базара. Взять его отсюда,—это все равно, что вынуть рыбу изъ воды.

Бухарскіе базары раздѣлены и по сорту товаровъ и по національностямъ купцовъ. Въ одномъ мѣстѣ нескончаемые ряды лавчонокъ съ шелковымъ товаромъ, въ другомъ съ бумажнымъ, въ третьемъ съ мѣдью или серебромъ; тамъ—съ сѣдлами и чепраками, тамъ—съ коврами и паласами, а тамъ—съ оружіемъ, шапками, халатами или башлыками. Кромѣ того, есть особые ряды: Индійскіе и Персидскіе; есть Кокацкскіе, Хивинскіе, Туркменскіе и проч. Только опытный туземецъ знаетъ, гдѣ и какъ можно что купить выгоднѣе въ этомъ хаосѣ базаровъ, въ этомъ лабиринтѣ лавчонокъ. Между лавочками видѣются кое-гдѣ открытые боковые ходы, и черезъ нихъ вы проходите въ глухіе дворики, окруженные галлерею и маленькими темными

конурками. Это караванъ-сарай базара, запасные склады его товаровъ. Тутъ обыкновенно все загромождено арбами, верблюдами, ослами, мѣшками, кипами всякаго товара. Тутъ, говорятъ, можно купить многіе товары изъ первыхъ рукъ значительно дешевле, чѣмъ на базарѣ. Но всѣ эти возможности, конечно, не для нашего брата, проѣзжаго турпета, съ котораго по всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, позволительно драть за все вдвое. Это мы испытали, къ сожалѣнію, собственнымъ опытомъ.

Признаюсь, меня лично гораздо менѣе привлекали лавки и товары бухарскихъ базаровъ, чѣмъ толпа ихъ наполнявшая. Конечно, кромѣ мало интересныхъ мѣлъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей, въ этихъ лавчонкахъ то и дѣло попадались намъ на глаза глубоко характерныя, чисто восточныя вещи, какъ чеканные мѣдные кубаны съ тазами, узкогорлые изящные кофейники, оригинально расшитые чепраки и богато разукрашенные сѣдла, серебряныя запястья и головные уборы женщинъ и всякія другія заманчивыя для Европейца туземныя произведенія; но всѣ эти мелочи не останавливали на себѣ моего вниманія, всецѣло поглощенного живымъ этнографическимъ музеемъ, двигавшимся кругомъ насъ.

Народъ въ Бухарѣ—это картина на каждомъ шагу; куда ни оглянешься,—красавецъ на красавцѣ, а ужъ особенно дѣти и молодые мальчики. Сверкающіе какъ фарфоръ и огнемъ горящіе черные глаза среди матовой бѣлизны слегка смуглаго полного лица, съ очень правильными чертами и отбѣненные черною порослей молодыхъ усомъ и молодой бороды, чувственные румяныя губы сразу выдаютъ вамъ прекрасный персидскій типъ Таджики, кореннаго обитателя древней Трансокеаны или, такъ-называемаго въ Средніе Вѣка, „Маваръ-эль-нагара“, то-есть „Зарѣчья“.

Таджики говорятъ до сихъ поръ на одномъ персидскомъ нарѣчій, несмотря на всѣ чуждыя наслоенія, по очереди придававшія имъ въ теченіе ихъ долгой и злополучной исторіи. Таджики большіе щеголи, какъ и персидскіе Персы. Они въ будній день разряжены, какъ въ праздникъ: чалмы ихъ воздымаются на головѣ цѣлыми грандіозными сооруженіями, спуска сбоку съ какимъ-то особеннымъ неуловимымъ шикомъ бахромой украшенный конецъ пестрой шали. Впрочемъ, чалма не одно только пустое франтовство, а своего рода аттестатъ благочестія для правовѣрнаго. Недаромъ же она зеленая у потомковъ пророка и бѣлая у богомольныхъ хаджи, удостоившихся покло-

ниться гробу Магометову. По правиламъ мусульманскаго благочестія чалма изображаетъ собой сапанъ, постоянно напоминающій человѣку о его смерти, и длина ея должна быть, по крайней мѣрѣ, въ шесть или семь разъ больше роста человѣка. Но особенно реніостные сыны Ислама доводятъ чалмы нерѣдко до размѣровъ, превосходящихъ даже въ тридцать разъ ростъ обыкновеннаго смертнаго, и тогда она, конечно, воздымается на брѣтвой макушкѣ почтеннаго мослемина, какъ башня Ливанская.

Яркая пестрота этихъ красныхъ, желтыхъ, синихъ и бѣлыхъ турбановъ, этихъ полосатыхъ халатовъ изъ бумажной аладжи и шелковаго адрыса, сіяющихъ всеми цвѣтами радуги,—обращаютъ бухарскую толпу, бухарскій базаръ въ какой-то веселый цвѣтникъ, въ сплошное поле макова цвѣта всевозможныхъ колеровъ. Ничего подобнаго не представляетъ никакой другой мусульманскій городъ.

Узбеки—хоть такіе же пестрые и такіе же яркіе, пожалуй, еще рѣзче яркіе, еще грубѣе пестрые, чѣмъ Таджики—все-таки замѣтно отличаются отъ нихъ даже и въ суетлѣ базаровъ. Это ужъ несомнѣнные Туранцы, собратья Киргиза и Калмыка, скуластые, широконосые, съ очень изрядною косишкою глазъ, съ характерною скудостью поросли на губахъ и бородѣ. Хотя многіе изъ нихъ ужъ потеряли первобытную чистоту монгольско-тюркскаго типа, постоянно мѣшались съ персидскою кровью черезъ персидскихъ плѣнницъ, которыхъ они берутъ въ жены и наложницы, но большинство ихъ настолько еще удержало врожденную „калмыковатость“ своего лица, что Узбека можно легко выбрать изъ толпы Таджиковъ, какъ козла изъ стада барановъ. Узбеки вообще гораздо некрасивѣе Таджиковъ, неуклюжѣе ихъ, далеко не такъ общительны и мало склонны къ ремесламъ и торговлѣ, въ которыхъ Таджики чувствуетъ себя совершенно дома; но за то Узбекъ рослѣе, сильнѣе, храбрѣе и выносливѣе избалованнаго городскою жизнью трусливаго Иранца. Это и немудрено, потому что Узбекъ—завоеватель Бухары и ея законный хозяинъ. Несмотря на свою неотесанность, Узбеки составляютъ привилегированное и господствующее сословіе края, военное рыцарство своего рода, на подобіе былаго дворянства европейскихъ государствъ.

Узбеки до сихъ поръ еще держатся старыхъ кочевыхъ вкусовъ, войлочной кибитки, кумыса, верблюдовъ и неохотно мѣняютъ родимыя степи на тѣспоту городовъ. Но, конечно, силой

времени множество ихъ уже перетянуло по разнымъ обстоятельствамъ въ города, перемѣшалось съ Таджикими, обратилось и въ ученыхъ муллъ, и въ ловкихъ торговцевъ, въ судей и правителей. Эмиръ и его первый министръ—Кушъ-бегъ—всегда Узбеки.

Узбеки—одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и сильныхъ народовъ Внутренней Азии. Такъ-называемые Татары, покорившіе Россію въ XIII вѣкѣ, были нѣкто иные, какъ тѣ же Узбеки. Татары эти называли себя „ногай“, а Ногай это до сихъ поръ одинъ изъ 92 родовъ Узбековъ.

Кипчаки, основавшіе Золотую Орду на низовьяхъ Волги, также были только однимъ изъ многочисленныхъ узбекскихъ родовъ. До сихъ поръ этотъ родъ „Кипчакъ“ существуетъ въ Ферганской области и имѣетъ важное значеніе среди ея населенія, а на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ низовьяхъ ея, стоятъ до сихъ поръ городъ Кипчакъ,—вѣроятно, одно изъ древнихъ гнѣздъ этого рода, окруженный особеннымъ уваженіемъ хивинскихъ кочевниковъ. Въ числѣ главнѣйшихъ узбекскихъ родовъ есть и „Татаръ“, и „Тюркъ“, и „Киргизъ“ и „Казакъ“. Родъ „Монголъ“ сталъ пользоваться огромнымъ значеніемъ среди Узбековъ, потому что къ нему принадлежалъ Чингисъ-ханъ и его первые сподвижники.

Родъ „Монголъ“ жилъ въ XIII вѣкѣ на рѣкѣ Ононѣ, притоки Шилки, въ теперешней Китайской Татаріи, очень близко отъ южной границы Сибири. Оттого и европейскіе историки окрестили движеніе Узбековъ на Россію и Европу нашествіемъ Монголовъ. Но изъ туземцевъ Туркестана ни одинъ не скажетъ, что Чингисъ-ханъ былъ Монголъ или Татаринъ, а скажетъ непременно, что онъ былъ Узбекъ. Татарами же называли въ XIII столѣтіи тѣхъ же самыхъ Монголовъ, потому что Чингисъ-ханъ покоривъ-соединивъ съ Монголами родъ „Татаръ“, жившій немного восточнѣе по рѣкѣ Кэрулынъ, впадающей въ озеро Хулу-Норъ, и Татары эти, по своей многочисленности и храбрости, составляли главную массу Чингисова войска.

Узбекскій родъ „Монголъ“—одно, а Монголы, какъ цѣлое желтокожее племя, къ которымъ принадлежатъ Китайцы, Калмыки и проч.,—совсѣмъ другое.

Узбеки считаются народомъ Тюркского племени, хотя черты ихъ лица до того проникнуты характерными признаками мон-

гольской расы, что гораздо вѣрнѣе считать ихъ смѣшанною монголо-тюркскою расой.

Турки-Сельджуки, покорившіе Туранъ раньше Чингисъ-хана, были тоже Узбеки. Узбеки—и теперешніе Киргизы, которые, впрочемъ, никогда не называютъ себя этимъ именемъ, въ котор ое изстари окрестили ихъ мы, Русскіе. Сами себя Киргизы называютъ „Казакъ“; и весь Востокъ называютъ ихъ этимъ именемъ. У насъ это имя употребляется въ нѣсколько измѣненной формѣ „Киргизъ-Кайсаковъ“. Мы, Русскіе, разумѣемъ подъ словомъ Киргизы не одинъ узбекскій родъ „Кыргысъ“, но всѣ кочевые узбекскіе роды безразлично, какъ, напримѣръ, „Казакъ“, „Багышъ“, „Наймакъ“ и проч. Казакъ, собственно говоря, есть имя нарицательное, и на туземномъ языкѣ означаетъ вольнаго бродягу, разбойника. Въ этомъ смыслѣ и наша древнерусская бродячая воляница южныхъ и юго-восточныхъ порубежныхъ степей стала называться казаками. Большинство бухарскихъ Узбековъ, конечно, потомки Чингисовыхъ полчищъ, покорившихъ въ XIII вѣкѣ, вслѣдъ за завоеваніемъ Китая, Ховарезма, Ферганы, Маваренагара и прочія страны Турана. Но и послѣ Чингисъ-хана и послѣ Тимура не разъ надвигались на эти же земли новыя орды Узбековъ. Великая Средне-Азиатская Имперія Узбека Тимура была разрушена при его правникѣ султанѣ Бабурѣ вновь нахлынувшими Узбеками же, которые воцарили вмѣсто династіи Тимуридовъ новую династію Шейбани-хана. Впослѣдствіи эта вторая волна Узбековъ была задавлена новою волной того же племени, которое отлила отъ приволжскихъ равнинъ Россію послѣ погрома тамъ татарскихъ ордъ и выдвинула третью династію бухарскихъ эмировъ,—Аштархани, по имени города Астрахани, откуда она вышла. Такимъ образомъ современные намъ Узбеки во всякомъ случаѣ представляютъ собою остатки завоевателей Туркестана разныхъ эпохъ.

Узбеки въ теченіе вѣковъ естественно сильно смѣшались съ Таджикими, коренными жителями Трансокеаніи, и кровью, и нравами, и обычаями. Они заимствовали у нихъ не только ихъ магометанскую религію, но и вкусы оскѣлости, разные промыслы и ремесла. Оскѣлый Узбекъ-горожанинъ мало-по-малу совсѣмъ обособился отъ своего кочеваго родича степей и горъ, потерялъ прежній духъ воинственности, а развилъ въ себѣ напротивъ мирный духъ торгашества; только по языку онъ оставался еще Узбекомъ, а по образу жизни, отчасти и по самой внѣшности дѣлался Таджи-

комъ. Такихъ осыпшихъ въ города, известнымъ образомъ прилипавшихся Узбековъ называютъ теперь *Сартами*.

Сарта трудно отличить на видъ отъ Таджики, потому что въ немъ кровь Туранца уже значительно смѣшалась съ иранскою кровью, а общія привычки жизни, общія одежда и манеры еще болѣе сближаютъ его съ Таджикикомъ. Оттого Русскіе и иностранцы, путешествующіе по Туркестану, безразлично называютъ и Таджикивъ и Узбековъ общимъ именемъ Сартовъ. Это названіе распространяется съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, такъ что люди, не выходящіе близко въ этотъ вопросъ, искренно считаютъ Сартовъ за какой-то особый народъ, населяющій Туркестанъ, имѣющій даже свой особенный сартскій языкъ. Но Сартъ въ настоящее время вовсе не есть названіе особаго племени, а, такъ сказать, бытовой собирательный типъ, обозначающій вообще горожанина и осѣдлаго жителя и выходящій изъ себя одинаково и Узбека, и Киргиза и Таджики.

Таджиками, собственно, продолжаютъ называться теперь только тѣ изъ коренныхъ жителей иранскаго племени, которые еще говорятъ персидскимъ языкомъ и не смѣшались со своими побѣдителями тюрко-монгольской расы. Бухара и Самаркандъ, какъ мѣстности, ближайшія къ Ирану, и какъ бывшіе центры древней Трансокеаны, населенной когда-то Согдианой и другими народами иранскаго корня, почти одни сохранили въ себѣ сколько-нибудь многочисленное населеніе Таджикивъ, постоянно обновляющееся вольными и невольными выселенцами изъ сосѣдней Персіи; оттого-то на базарахъ Бухары еще нерѣдко господствуетъ персидскій языкъ. Уцѣлѣли также отдѣльныя колоніи Таджикивъ, говорящихъ по-персидски, въ нѣкоторыхъ глухихъ уголкахъ Ферганской области, не подвергшихся сильному давленію побѣдителей—Узбековъ. Но въ Хивѣ, Ташкентѣ и огромномъ большинствѣ городовъ и селеній Туркестана, особенно же въ Сыръ-Дарьинской области Таджикивъ осталось или очень мало, или вовсе не осталось.

Таджики же, потерявшіе свой языкъ и говорящіе языкомъ Узбековъ, такъ называемымъ татарскимъ языкомъ джагатайскаго нарѣчія, сдѣлались Сартами наравнѣ съ осѣдлымъ Узбекомъ и осѣдлымъ Киргизомъ. Оттого-то среди Сартовъ вы встрѣчаете самые разнообразныя и даже противоположныя типы, начиная отъ прекраснаго правящаго лица со свѣтлою, почти европейскою кожей и роскошною растительностью усовъ и бороды и кончая ску-

ластою и широкою мордой рѣдко-бородаго и какъ сапогъ смуглаго Монгола. Хотя все-таки иранскій типъ преобладаетъ гораздо чаще. Все зависитъ оттого, изъ какого племени вышелъ этотъ типъ и какая пропорція иранской благородной крови попала въ грубую породу Туранца. Но этотъ грубый Туранецъ со-сѣлъ много мѣнѣе, чѣмъ мы и о себѣ и о Сартѣ. На Сарта-горожанина, на Сарта труженника онъ смотритъ съ искренимымъ презрѣніемъ вольнаго сына степей, какъ на труса и раба.

„Мы называемъ Таджики Таджикикомъ, когда ѣдимъ его хлѣбъ, говорятъ Узбекъ,—или мы называемъ его Сартомъ, когда бра-нимся съ нимъ.“

А киргизская поговорка говоритъ: „плохой Киргизъ дѣлается Сартомъ, а плохой Сартъ Киргизомъ“.

Когда въ былыя, хотя и недавнія времена кочевые Узбеки осаждали города Ташкентскаго или Коканскаго ханства, то, подѣзжая къ самымъ стѣнамъ крѣпости на своихъ легкихъ скакунахъ, они кричали обыкновенно, насмѣхаясь надъ трусостью запершихся въ стѣнахъ горожанъ:

„А-е-и, Сартъ!“

Дикимъ воплемъ пустыни казалось, что для человѣка не можетъ быть ругательства позорнѣе этого названія „Сарта“, обитателя города...

Что такое собственно значить слова „Сартъ“, и почему этимъ именемъ окрещены осѣдлые туземцы Туркестана, знатоки Востока не пришло до сихъ поръ къ положительному заключенію и предлагаютъ самыя разнообразныя объясненія. Но все заставляетъ думать, что это названіе очень древнее, и что въ Туркестанѣ жилъ когда-нибудь народъ Сарты, съ именемъ котораго кочевые разбойники степей привыкли соединять понятіе о всякомъ осѣдомъ и трудолюбивомъ жителѣ, утратившемъ воинственныя вкусы и воинскую доблесть.

На это указываетъ и имя рѣки *Сыр-Дарья*, города которой до сихъ поръ служатъ главными центрами Сартовъ и которая, безъ сомнѣнія, есть познѣйшее искаженіе имени *Сартъ-Дарья*, то-есть *рѣки Сарта*, въ древности дѣйствительно называвшейся *Як-Сартъ* (Дарья—есть татарское названіе всякой рѣки вообще).

Древній александрійскій географъ Птоломей указываетъ даже на этой рѣкѣ обиталище особаго народа *Як-Сартовъ* (Iaxartes).

Въ старинной „исторіи Монголовъ“, написанной въ концѣ XIII вѣка персидскимъ историкомъ Рашидъ-Эддиномъ и пере-

веденной на русскій языкъ нашимъ извѣстнымъ ориенталистомъ профессоромъ Березинимъ, рассказывается, что Чингисъ-ханъ, покоривъ Арсланъ-хана, вождя племени Карлуковъ, приказалъ ему называться *Арсланомъ Сартскимъ*; а въ примѣчаніи своемъ къ разсказу Рашидъ-Эддина о войнѣ Чингисъ-хана съ Ванъ-ханомъ профессоръ Березинъ сообщаетъ, что, по словамъ монгольскаго историка, это событіе произошло уже послѣ похода на *Сартовъ*.

Въ путешествіи Плато-Карпини мнѣ попалось одно извѣстіе, что въ числѣ земель, покоренныхъ Чингисъ-ханомъ, была какая-то *terra Sartiorum*, очень напоминающая „землю Сартовъ“.

Сарты упоминаются какъ жители Туркестана и восточными писателями XV, XVI и XVII столѣтій.

Амръ Наваи, въ концѣ XV вѣка, называетъ *Сартами* жителей Средней Азіи, не знающихъ тюркского языка.

Султанъ Бабуръ, правнукъ Тимура и славный основатель индійской монархіи Баберидовъ, въ запискахъ о своей жизни, составленныхъ въ началѣ XVI столѣтія, называетъ *Сартами* жителей Маргелана и Асфары, а хивинскій ханъ Абуль-Гази-Багатуръ, въ началѣ XVII вѣка, тѣмъ же именемъ называетъ жителей Хивы, Ургенча, Хазараспа, которые уже были при немъ осѣдлыми хлѣбопашами. Замѣчательно, что въ его время въ Самаркандѣ не было ни одного человѣка, знающаго тюркскій языкъ, до того, значить, было еще тогда многочисленно старинное коренное населеніе иранскаго корня.

Это еще болѣе заставляетъ думать, что Сарты были когда-нибудь особымъ народомъ со своимъ особымъ языкомъ, и что имя это обратилось изъ этнографическаго въ бытовой терминъ только въ послѣднее время, когда среди народовъ Туркестана потерялась живая память о прошлой исторіи его.

Среди сытыхъ, праздныхъ и самодовольныхъ халатниковъ Бухары, заливающихъ своею яркою разноцвѣтною волной базары и улицы, поражаютъ своимъ жалкимъ видомъ бѣдно одѣтые людишки въ черныхъ шапочкахъ, въ родѣ низенькихъ греческихъ калмавовъ и въ кургуzychъ кафтанчикахъ, подпоясанныхъ простою перевкой.

— Это еще что за народъ? спросили мы у своего возницы, хотя вопросъ былъ, собственно говоря, совсѣмъ лишній. Отвѣтъ

самый ясный читался при первомъ взглядѣ на эти хищническіе глаза и характерныя черныя локоны.

Возница нашъ хитро улыбнулся и покачалъ головой.

— Народецъ тоже! не хуже какъ и у насъ. Такая же жидюга... прозвесь онъ. — Имъ тутъ запретъ на улицахъ по-бухарски одѣваться. Они у нихъ все равно какъ арестанты наши острожные; приказано имъ срамное обнарядье на народъ носить, чтобъ отличка имъ отъ всякаго человѣка была, вотъ и носятъ!.. Другаго не смѣютъ надѣть.

— Бѣднота вѣрно? ободранные какіе... замѣтилъ я.

— Кака я бѣднота! Самые богачи! возразилъ навозчикъ. — Поглядите-ка какъ онъ дома у себя одѣвается... Шелкы да бархаты! А чистота по дому кака! Всякое у него удовольствіе. Ну, а ужъ на улицу—шалыш! нацѣпляй свое арестанецкое, подвязывайся веревкой. Такой ужъ у нихъ законъ, у Бухарцевъ у этихъ, строгость! На лошадь тоже садиться имъ не позволяютъ, Боже избави! И плата съ нихъ двойная противъ людей полагается. Съ кого податей рубль сходять, а съ жиды два. Да и такъ ихъ, окромя податей, всякій начальникъ тутъ обдираетъ: потому какой съ него судъ? А вотъ однако-жъ богатыютъ все, влѣтъ ихъ не доймаютъ!.. съ искреннимъ удивленіемъ заключилъ нашъ чичероне.

Русскій возница, толковавшій съ такимъ презрѣніемъ объ „арестанецкомъ обнарядѣ“ бухарскихъ Евреевъ, конечно, не подозревалъ, что на-дняхъ еще всякій пновѣрецъ, въ томъ числѣ и нашъ братъ христіанинъ, долженъ былъ надѣвать на себя тоже позорное платье, если хотѣлъ удостоиться чести посѣтить „Бухару-ель-Шерифъ“. Недаромъ же, по выраженію туземныхъ богослововъ, „въ одной только Бухарѣ свѣтъ исходитъ на небо изъ этого священнаго града, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ свѣтъ, какъ извѣстно, исходитъ съ неба на землю. Это видѣлъ самъ пророкъ Магометъ, когда въ соопутствіи Архангела Гавріила совершалъ свое путешествіе на небо“.

Вотъ, между прочимъ, что разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Бухарѣ оффиціальныи агентъ Англіи Борисъ, отправленный изъ Индіи въ Бухару въ 1831 году, то-есть еще на памяти нашего поколѣнія:

„Наши тюрбаны были замѣнены бѣдными шапками изъ овчины, вывернутой шерстью внутри, и мы бросили наши пояса, чтобы обвязаться обрывкомъ грубой пеньковой веревки. Мы скинули туземныя перхнія одежды, такъ же какъ чулки, потому что это признаки, отягчающіе невѣрнаго отъ правовѣрнаго въ свѣтомъ градѣ Бухарѣ. Мы знали также, что они, мусульмане, могутъ бѣзить верхомъ въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ этого города, и внутреннее чувство намъ подсказало, что мы должны быть довольны, если цѣною этой легкой жертвы намъ будетъ позволено продолжать жить въ этой столицѣ“. Но „легкія жертвы“ не ограничались, впрочемъ, этимъ. Милостивый покровитель ихъ Кушъ-бегъ, благодаря которому путешественники сохранили свою жизнь, принималъ ихъ у себя въ домѣ какъ нѣкую нечистую тварь, сажая ихъ прямо на мостовой въ открытомъ дворѣ, въ то время какъ самъ сидѣлъ въ комнатѣ на дорожныхъ коврахъ и подушкахъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ этихъ невѣрныхъ собакъ.

Бѣднымъ Англичанамъ было на-строга запрещено употребленіе пера и чернилъ. Днемъ имъ не позволяли выходить на улицу. „Подобно совамъ, мы не смѣли показываться иначе, какъ по вечерамъ“, жалуется Борнсъ въ своей пзвѣстной книгѣ „Путешествіе въ Бухару“. Въ бані ихъ тоже не пускали. По ученію бухарскихъ муллъ „вода обратится въ кровь, если она осквернится прикосновеніемъ женщины или невѣрнаго“; такъ что Борнеу съ трудомъ можно было пріискать какую-то жалкую баню, согласившуюся осквернить себя ради презрѣннаго злата.

Но такая терпимость къ иновѣрцу была все-таки рѣдкимъ исключеніемъ въ священной Бухарѣ, городѣ, основанномъ, по убѣжденію ея ученыхъ муллъ и пмамовъ, самымъ Искандеромъ, то-есть нѣкимъ другимъ, разумѣется, какъ Александромъ Великимъ.

Обыкновенно же Европейцу, попавшему въ Бухару, грозила прежде всего участь или быть зарѣзаннымъ, какъ барана, или протомиться десятки лѣтъ въ темницѣ и неволѣ.

Англіійскій капитанъ Конолли въ концѣ тридцатыхъ годовъ нашего вѣка послѣ многихъ приключеній прошелъ насквозь туркменскія степи, дошелъ до Кокана, вытерпѣлъ тамъ неволю за то, что не хотѣлъ принять Ислама, попалъ потомъ въ Бухару,

и въ этомъ „священномъ градѣ“ былъ зарѣзанъ эмвромъ вмѣстѣ съ другимъ Англичаниномъ, полковникомъ Стотгартонъ, состоявшимъ при англійской миссіи въ Персіи, несмотря даже на то, что Стотгартъ, страха ради Іудейска, принялъ магометанство. Венгерецъ Вамбери, посѣтившій Бухару гораздо позже, долженъ былъ разыгрывать роль турецкаго дервиша, чтобы проникнуть въ это гнѣздо мусульманскаго фанатизма, и каждый день могъ ожидать той участи, какой подверглись Конолли и Стотгартъ.

Красоту сартовскихъ, таджикскихъ и узбекскихъ дамъ Бухары оцѣнить рѣшительно невозможно. Здѣшній прекрасный полъ обращенъ въ какихъ-то неуклюжихъ чучель, завернутыхъ въ темно-зеленныя и темно-синія простыни съ головы до пятъ; у каждой на лпцѣ, даже у маленькихъ дѣвочекъ, густое черное покрывало. А между тѣмъ, судя по мужчинамъ, нужно предполагать, что Таджикки должны быть очень красивы. Недаромъ же въ древней Трансоксанѣ, именуемой теперь Бухарой, Александръ Македонскій напелъ свою Роксану, знаменитую дочь Оксіарта (не *Ок-Сарта* ли еще?), про которую Арріанъ говоритъ, что послѣ жены Дарія, эта была самая красивая изъ всѣхъ женщинъ, влѣбныхъ Грекамъ въ Азіи...

Только одні прокаженные пѣютъ въ Бухарѣ возмутительную привилегію показывать публикѣ свои ужасныя лица, пзвѣденыя неопикуемымъ язвямъ. Бухара очень богата этимъ товаромъ. Прокаженныхъ безъ глазъ, безъ носовъ, безъ губъ, съ искривленными руками и ногами то и дѣло видишь у входовъ въ мечети и около общественныхъ прудковъ, гдѣ они сидятъ цѣлыми вереницами, вымаливая деньги у прохожихъ и протягивая къ нимъ деревянныя чашечки своими пзуродованными пальцами.

Никакіе законы не предохраняютъ населеніе Бухары отъ общенія съ этими несчастными псчадіями человечества и отъ возможности заразы.

IV.

Нравы и обычаи священнаго города.

Обѣзжая безчисленные базары Бухары, мы любовались на здѣшнихъ сытыхъ, складныхъ, и вѣрныхъ коней, которые на видъ гораздо красивѣе и даже, какъ-будто, ретивѣе знаменитыхъ

текинскихъ. Бухарцы, какъ и Туркмены, большіе охотники усаживаться на коня по двое, не только въ степи, но и на улицахъ города. А нѣкоторые ухитряются сидѣть на тюкахъ товаровъ, навьюченныхъ на лошадей, совсѣмъ какъ на диванахъ: свѣспятъ себѣ преспокойно ноги и сидятъ, словно гвоздемъ прибитый, даже не помышляя о возможности полетѣть съ лошади головой внизъ.

Послѣ базаровъ мы проѣхали въ одинъ изъ самыхъ характерныхъ уголковъ Бухары, — къ прудку „Леби-Гоузъ-Диванбей“. Здѣсь любимое мѣсто народныхъ сборищъ. Прудъ этотъ съ своею стоячею водою, теплою, какъ парное молоко, осыненный старыми ивами и шелковницами, лежитъ у подножія древней мечети „Меджидіе-Диванбей“. Это обширный кварталъ саженъ въ пятнадцать длины, саженъ въ двѣнадцать ширины; глубокіе берега его обложены огромными тесаными камнями, и къ нему спускаются со всѣхъ сторонъ по восьми широкимъ каменнымъ ступенямъ. Пестрыя группы богомольцевъ и всякаго праздничнаго народа живописно обложили и притворы мечети и берега пруда. Одни моютъ въ немъ, сидя на ступенькахъ, свои босые запыленные ноги, другіе забравшись по горло въ воду; кто полоскаетъ въ немъ бѣлье, кто сливаетъ въ него разные подозрительныя жидкости изъ большихъ глиняныхъ кувшиновъ. Цѣлый лабиринтъ мелкихъ лавочекъ и кухонь, цѣлый шумный „Обжорный рядъ“ устроенъ надъ этимъ прудкомъ, который въ одно и то же время служитъ и очень удобною помойною ямой для всѣхъ этихъ безчисленныхъ уличныхъ харчевенъ и единственныхъ бассейновъ для питья всему этому толпящемуся здѣсь люду. Особенно оригинальны многочисленныя „чай-хане“ съ громадными тульскими самоварами, ведеръ въ десять и пятнадцать каждый, скорѣе похожими на пузатые боченки, чѣмъ на самовары.

Поглядѣвъ разъ на Леби-Гоузъ и безцеремонные обычаи его посѣтителей, никто уже не удивится, что „репта“, пендинская язва, сартскій прыщъ и всякія другія прелести составляютъ обычное украшеніе бухарской жизни.

Решту (*filaria medinensis* медикова) называютъ также гвинейскими червемъ, и туземцы увѣряютъ, что это тотъ самый червь, что мучилъ на гноищѣ библейскаго Іова.

Я охотно вѣрю этому!..

Стоялая полугнилая вода бухарскихъ „Гоузовъ“ кишитъ просто на глазахъ вашихъ всякими мелкими гадинами. А теперь еще

весна, а не развалъ лѣта. Къ лѣту же эти прудки высохнутъ еще на половину, такъ что вмѣсто воды останется одна вонючая грязь; и въ ней все-таки будутъ купаться, ее все-таки будутъ черпать, какъ будто и настоящую воду. Недостатокъ воды, это своего рода проклятіе, издревле лежащее на „священной Бухарѣ“. Она питается водами Заравшана, — „разносителя золота“, но находится отъ него верстахъ въ десяти или двѣнадцати. Каналъ Когикъ проводитъ въ городъ воду Заравшана. Заравшанъ, который у древнихъ писателей назывался Полтиметусъ, по увѣренію Квинта Курція, не доходилъ въ его время до Оксуса, а пропадалъ въ подземной пещерѣ. Арріанъ объясняетъ еще точнѣе: что онъ терялся въ пескахъ. Дѣйствительно, и теперь Заравшанъ прекращаетъ свое теченіе въ озерѣ среди песковъ, которое Узбеки называютъ „денгизомъ“, то-есть моремъ. Въ лѣтнія жары вода въ Заравшанѣ убываетъ очень сильно, а кромѣ того ее разбираютъ во всѣ стороны безчисленные арыки знаменитой своимъ плодородіемъ Мيانкальской долины. На долю Бухары уже остается слишкомъ мало, а иногда даже и совсѣмъ ничего. Каналъ Когикъ въ видахъ сбереженія воды открывается обыкновенно одинъ разъ въ двѣ недѣли. Жители Бухары иногда остаются безъ воды по цѣлымъ мѣсяцамъ и должны волею-неволею довольствоваться своимъ отвратительнымъ и заразительнымъ „гоузамъ“. При посѣщеніи Бухары Англичаниномъ Борнсомъ каналъ былъ сухъ, напрямѣръ, ровно шестьдесятъ дней! Теперешніе Бухарцы жаловались намъ, что ихъ обманываютъ Русскіе, задерживая воду Заравшана въ Самаркандской области; но старые путешественники говорятъ единогласно, что задолго до русскаго владычества въ Самаркандѣ Бухара постоянно страдала отъ такого же безводія.

Мнѣ уже не въ первый разъ пришелъ въ голову вопросъ: да почему же, наконецъ, всѣ большіе города Туркестана, какъ Бухара, Хива, Самаркандъ, Коканъ, Ташкентъ и другіе, не лежатъ на берегу сосѣднихъ къ нимъ многоводныхъ рѣкъ Аму-Дарьи, Заравшана, Сыръ-Дарьи? Только познакомившись съ опустошительными и неожиданными разливами этихъ рѣкъ, я понялъ, что многочисленныя поселенія человека должны были волею-неволею бѣжать подальше отъ этихъ коварныхъ, хотя и очень нужныхъ сосѣдей своихъ и получать ихъ драгоценныя дары не непосредственно изъ ихъ черезчуръ опаснаго ложа, а черезъ посредство цѣлой системы мпрныхъ и безопасныхъ арыковъ.

Толпы, облежавшія старую мечеть Меджидіе-Диванбери, ожидали часа молитвы; была Ураза,—магометанскій постъ, въ который ни одинъ правоверный не можетъ вкушать пищи до наступленія ночи; законъ этотъ соблюдается здѣсь всѣми съ непоколебимою строгостью, и правоверные муслемины, лишенные возможности толпиться за кухоньками своихъ домовыхъ харчевенъ, забравшись на плоскія крыши соседнихъ домиковъ, окружавшихъ мечеть, и предаваясь тамъ, въ ожиданіи „Азана“, то-есть призыва Муэдзина (по-здѣшнему азавчи), душевнеспособнымъ бесѣдамъ и размышленіямъ.

Характерныя, глубоко-восточныя и глубоко-азіатскія группы ихъ такъ и проспавшись подъ кисть художника. Около старыхъ почитаемыхъ мечетей Бухары всегда есть какой-нибудь *кален-теръ-ханъ*, то-есть постоянный дворъ для дервишей, какой-нибудь *теки*, нѣчто въ родѣ монастыря, въ келіяхъ котораго находятъ себѣ пріютъ всякіе благочестивые странники. Оттого у мечети вы всегда можете встрѣтить собраніе ученыхъ знатоковъ Ислама, предлагающихъ другъ другу разныя богословскія задачи схоластической тонкости, горячо проповѣдывающаго дервиша или какого-нибудь публичнаго чтеца, такъ-называемаго здѣсь „меллу“, занимающаго публику поучительными легендами.

Вотъ и теперь цѣлый кружокъ, или по-бухарски „халька“, изъ облѣбасавшихъ старцевъ въ зеленыхъ и бѣлыхъ тюрбанахъ, въ широчайшихъ шелковыхъ халатахъ сидятъ безмолвно на террасѣ мечети, пзукрашенной цвѣтными арабесками, словно притягиваемые стражи ея входа; они очевидно считаютъ недостойнымъ высокаго званія улема праздную болтовню съ соседями и погруженіе въ *теваджъ*, то-есть въ безмолвное созерцаніе величія Божія и пророка Его Магомета; нѣкоторые изъ нихъ до того глубоко ушли въ эти благочестивыя размышленія, что давно уже клуютъ носомъ, сладко подремывая въ духотѣ знойнаго лѣтняго дня. Но правоверные почитатели ученыхъ богослововъ нисколько не смущаются челоѣческой слабостью своихъ духовныхъ наставниковъ. Они твердо знаютъ, что и въ дремотѣ, и въ глубокомъ спѣ святые мужи эти все равно не перестаютъ помышлять о непостижимыхъ свойствахъ Аллаха и о суетѣ земной жизни, а потому кто же посмѣетъ осуждать ихъ?

Здѣсь невольно вспомнишь, что мы въ Бухарѣ,—этоиъ „Римъ Ислама“, какъ называлъ ее Вамбери, считающій въ то же время Мекку „магометанскимъ Іерусалимомъ“. Въ Бухарѣ насчитыва-

лось недавно одинъ медрессе, то-есть высшихъ богословскихъ училищъ, своего рода духовныхъ академій Ислама — 366, — по одной на каждый день года. Изъ всѣхъ магометанскихъ странъ Азіи и Европы, между прочимъ и изъ нашихъ русскихъ городовъ Казани, Оренбурга и т. п., молодые люди, желающіе основательно изучить ученіе Ислама, стремятся въ прославленные медрессе Бухары, къ знаменитымъ здѣшнимъ учителямъ. Не только имамы и улемы Бухары—великіе знатоки мусульманскаго ученія, но и сами бухарскіе эмиры нерѣдко бываютъ занятими и хитроумными богословами. Религія Магомета—это своего рода общепризнанная спеціальная профессія священнаго города, которою онъ славится, которою онъ, такъ-сказать, торгуетъ. Если Бухару вообще привыкли считать столицей Средней Азіи вслѣдствіе ея бываго политическаго и экономическаго значенія, то еще съ большимъ правомъ она можетъ назваться духовною столицей всей мусульманской Азіи.

„Самаркандъ—рай вселенной, а Бухара—сила религіи и вѣры!“ говорятъ одно бухарское двустишіе.

Видно, не случайно бухарскіе эмиры присвоили себѣ титулъ: *эмиръ-аль-муменинъ*, то-есть „вождь вѣрныхъ“. Даже Турки Стамбула,—этого высокочтимаго здѣсь „Рума“—въ глазахъ пестинныхъ ревнителей благочестія въ Бухарѣ искренно представляются еретиками своего рода, развращенными черезъ свое незаконное общеніе съ кафирами и гяурами, и каждый бухарскій мулла не преминетъ укорить Османлуса за то, что тотъ не посылать короткихъ усомъ и длинной бороды „на подобіе славы всѣхъ челоѣческихъ существъ, то-есть пророка Магомета“.

Бухарскіе улемы—самые компетентные судьи, разрѣшители и толкователи всякаго щекотливаго вопроса магометовой вѣры, всякаго недоразумѣнія, возникающаго въ примѣненіи къ жизни безчисленныхъ правилъ шаріата. Самое педантическое внѣшнее соблюденіе этихъ правилъ въ Бухарѣ требуется съ неумолкнуою строгостью, вѣриѣе, требовалось еще очень недавно. Выѣстъ съ вторженіемъ въ жизнь Бухары русскаго вліянія, старый религіозный педантизмъ магометанскаго Рима значительно ослабѣлъ. Особый блюститель религіозныхъ обрядовъ, такъ-называемый „репсъ“, съ кошачьимъ хвостомъ въ рукѣ, еще недавно рыскалъ, а можетъ-быть и теперь еще рыскаетъ по улицамъ Бухары, слѣдомъ гоня правоверныхъ къ исполненію ихъ религіозныхъ обязанностей на намазъ, на молитву въ мечеть; репсъ

въ правѣ былъ проэкзаменовать всякаго прохожаго въ правилахъ вѣры, и если находилъ отвѣтъ неудовлетворительнымъ, посылалъ хотя бы сѣдовласаго старца доучиваться въ медресе.

Борисъ самъ видѣлъ, какъ курпившихъ публично табакъ и тѣхъ, кто спалъ въ часы молитвы, рейсы водили по улицамъ Бухары связанныхъ и сѣкли ихъ ремнями, громко выкрикивая: „последователи Ислама! созерцайте наказаніе тѣхъ, кто нарушаетъ законъ!“

Эти паслѣдственные требованія виѣшней религіозности обращаютъ Бухару въ очагъ лицемерія и ханжества и сильно омрачаютъ жизнь въ ней даже для самихъ мусульманъ. Подъ прикрытіемъ мелочныхъ обрядовъ прічется глубокая внутренняя безправственность, точно такъ же, какъ подъ величественно-пышными халатами изъ парчи и шелка, подъ торжественно воздымающимися на главѣ высочайшими тюбанами бѣлоснѣжной чистоты — скрывается низкая рабская душа Бухарца, полная трусливаго себялюбія и безчувственности къ ближнему... Здѣсь нѣтъ, правда, публичныхъ домовъ и отчаянныхъ кутежей изъ трактирахъ, какъ это сплошь да рядомъ встрѣчается въ европейскихъ городахъ; но за то здѣсь даже деревни до сумасшествія опиваются опиумомъ, и молодые люди лучшихъ фамилій не стыдятся публично говорить о своихъ Ганимедахъ и публично содержать ихъ, не говоря уже, что кровь ближняго, самая мучительная казнь человека не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на лицемѣрнаго бухарскаго богослова. Это царство халатниковъ-фарисеевъ въ сущности есть царство тулаго невежества, необходимой косности, животной чувственности и зѣвской жестокости. Нельзя поэтому скорбѣть, что оно понемногу, но основательно расшатывается черезъ свое невольное соприкосновеніе съ русскимъ духомъ, съ русскими учрежденіями. Русское владычество нужно благословлять уже за то одно, что съ наступленіемъ его закрылись позорившіе человѣчество невольничьи рынки Бухары, какъ закрылись они и въ сосѣдней Хивѣ, а позднѣе въ Мервѣ. Всего только 15 лѣтъ тому назадъ Персы и Русскіе съ цѣпями на шеѣ продавались на базарахъ свлценнаго города рядомъ съ лошадьми и верблюдами, и какой-нибудь особенно счастливый аламанъ Тенищевъ разомъ сбивалъ цѣну на этотъ живой товаръ совершенно такъ, какъ обильный урожай дынь или арбузовъ сбиваетъ цѣну на рынокъ.

Мы съ женой живо почувствовали ту органическую ненависть азіатца къ Русскому и мусульманскаго фанатика къ христіанину, которою пропитаны все эти бухарскіе богословы въ бѣлыхъ чалмахъ и желтыхъ халатахъ. Толпы, собравшіяся вокругъ мечети, глядѣли на насъ съ нескрываемымъ выраженіемъ вражды. Особенно ихъ возбуждало ничѣмъ не покрытое лицо моей дамы. Нечистое пребываніе насъ, невѣрныхъ собакъ, въ такомъ священномъ мѣстѣ, и вдобавокъ еще въ священные часы ихъ поста, — уразы, — очевидно возмущало всехъ до глубины души, и только присутствіе караулъ-беги въ его официальной багряницѣ, съ впунательною плетью въ рукахъ, да, можетъ-быть, еще воспоминанье о бѣлыхъ русскихъ рубахахъ, гостящихъ по сосѣдству, — сдерживало въ предѣлахъ благоразумія эту глухорычавшую толпу, такъ недавно еще утѣшавшуюся казними главоровъ на площади ихъ Ригистана.

Впрочемъ, черезъ нѣсколько минутъ этотъ затаенный фанатизмъ разразился противъ насъ уже совершенно явно. Я не помню теперь названія древней мечети, въ которую повелъ насъ караулъ-бегъ послѣ Лебн-Гоуза. Не успѣли мы спокойно подняться на широкія ступени ея, собравшись уже повернуть назадъ въ темные сводистые проходы, какъ вдругъ откуда ни возьмись выскочилъ намъ навстрѣчу, будто кто выстрѣлилъ намъ въ насъ, высокій мулла въ громадномъ бѣломъ тюбанѣ и распахнутомъ настежь полосатомъ халатѣ.

— Качъ! качъ! отчаянно замахалъ онъ на насъ, словно крыльями вѣтряной мельницы, своими костлявыми и длинными какъ у мертвеца руками.

Пѣна брызгала изъ его разсвирѣпѣвшаго червякаго рта, въ которомъ совсѣмъ не было зубовъ, и его глубоко впавшіе старческіе глаза искрились злобой, какъ у взбѣшаннаго цѣпнаго пса.

— Качъ, качъ! храбро повторялъ онъ, загораживая намъ грудью дорогу, готовый, кажется, сейчасъ выцѣпиться въ насъ своими размахивавшимися костлявыми граблями.

Мы, разумѣется, отступили безъ малѣйшаго спора, нисколько не желая раздражать еще дальше мусульманскаго фанатизма; но караулъ-бегъ и нашъ консульскій провожатый схватились жестоко ругаться по-татарски съ бѣшенымъ муллою, какъ мы ни уговаривали ихъ мирно отрясти прахъ отъ ногъ нашихъ. Однако фанатикъ-мулла все-таки побѣдилъ, потому что и караулъ-бегъ и нашъ казанскій Татаринъ, украшенный медалями,

мало-по-малу покидали поле битвы и незаметно спускались вслѣдъ за нами съ одной ступеньки на другую, хотя и продолжали отругиваться и грозить руками слабо направишему на нихъ фанатку.

Толпа, собравшаяся у мечети на эти крики, порчала и глядѣла на насъ слишкомъ недвусмысленно, чтобъ этого не могли сообразить наши не въ мѣру усердые провожатые. Мы ретировались къ своему фаэтону и спѣшили поскорѣе уѣхать изъ него. Пурпуровый караулъ-бегъ былъ совсѣмъ перекопфуженъ неожиданно встрѣченными отпоромъ и бормоталъ намъ какіи-то непонятныя для насъ оправданія.

— Нѣтъ, этого ему подарить нельзя, псу старому! горячился еще болѣе его нашъ русскій всадникъ. — Этакъ ихъ повадши, такъ они и на ульцу пускать насъ не станутъ. Безпретѣнно и агенту объ этомъ доложу. Вздують его, голубчика, лучше не надо. Самъ эмпръ вездѣ Русскимъ входъ свободный дозволяетъ, а эта собака брехать вздумала, законы свои занозить!.. Погоди-жь ты, старый хрычъ! заключилъ онъ, вскакивая опять на лошадь и выразительно грозя кулакомъ по адресу все еще ругавшагося на крыльцѣ муллы.

Караулъ-бегъ тоже привсталъ на стременахъ и съ новою бранью потрясъ въ воздухъ свою тяжелую нагайку, обѣщая, по-видимому, храброму улему что-то очень невкусное.

Фаэтонъ между тѣмъ повернулъ назадъ въ узкій переулокъ, и мы вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ, ии малѣйшимъ образомъ не претендуя на рыцаря защитника мусульманской святыни.

Чтобы добраться до Шпрбудуна, лѣтнаго мѣстопробынанія эмпръ-эль-муецина, нужно проѣхать изъ конца въ конецъ всю необъятную Бухару. Шпрбудунъ уже не въ городѣ, а въ трехъ верстахъ отъ него. Нужны были особыя сношенія нашего дипломатическаго агента съ тѣми, кому это вѣдать надлежало, чтобы получить дозволеніе на осмотръ дворца. Опять тѣ же нескончаемыя улицы слѣпыхъ домовъ и глиняныхъ дуваловъ, похожихъ другъ на друга, какъ ржаныя копья на десятины, опять тѣ же мечети съ глиняными фонариками и точеными колонками, тѣ же столчкіе прудки подъ тѣнью шелконницъ, тѣ же шумные и пестрые базары съ своими верблюдами, ослами, арбами, чалмами и халатами.

Проѣхали мы и нѣсколькимъ бухарскимъ кладбищами. Они помѣщаются и въ предмѣстіяхъ и въ серединѣ города, всегда около какой-нибудь мечети.

Бухарское кладбище то же, что и туркменское; ничего похожего на живописныя и поэтическія кладбища стамбульскихъ Турокъ: эти тѣнистыя прогулки въ чащахъ кипарисовъ, полныя благоговѣйнаго уваженія къ памяти покойниковъ, населенныя будто мраморными статуями, стоящими камнями въ разноцвѣтныхъ чалмахъ и шапочкахъ.

Бухарское кладбище — непроходимый хаосъ давящихъ другъ друга, другъ на друга насѣвшихъ, горбатыхъ могильныхъ насыпей, обложенныхъ кирпичемъ и грубо смазанныхъ сѣрою глиной. Издали эти могилы кажутся частыми рядами круглыхъ грибокъ, которыми глубоко ископана глинистая почва. Могилы эти обыкновенно помѣщаются на большомъ четырехугольномъ холмѣ, очевидно насыпанномъ руками людей. Такіе холмы встрѣчались намъ и при въѣздѣ въ городъ, и внутри его. Такіе же холмы видѣли мы прежде въ Туркменіи почти около каждаго аула. Среди неказистыхъ горбатыхъ насыпей поднимаются однако изрѣдка маленькія часовенки характерной магометанской архитектуры, увѣнчанныя двумя-тремя шестами съ привѣшанными къ нимъ бѣлыми тряпками и конскимъ хвостомъ. Это — гробницы шейховъ, святыхъ мужей Ислама, такъ-называемыя здѣсь „мазарі“.

Снаружи Шпрбудунъ тоже невозможно смотреть укрѣпленнымъ замкомъ и тюремнымъ острогомъ. Сразу видно, что никакого напѣнаго довѣрія между грознымъ владыкой и его вѣрноподданными тутъ не полагается, и что онъ чувствуетъ себя въ безопасности только за крѣпко-окованными воротами на замкѣ, охраняемыми хорошо вооруженною стражей. Но стѣпъ только переступить за ворота дворца, какъ картина вдругъ разомъ перемѣняется. Веселая и яркая пестрота красокъ охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ. Дворики, окруженные зданіями дворцовъ и широкими крытыми галлереями ихъ, просто смѣются на солнышкѣ. Каждый фасадъ, каждый входъ внутри дворца — затѣйливая илетеница самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ узоровъ; по ярко-зеленому, по ярко-голубому, по ярко-красному фону расписаны свѣтлыми красками хотя грубоватыя, но за то характерныя ара-

бески; бѣлыя узорчатыя колонки изъ гипса эффектно вырѣзаются своими выпуклыми формами на этомъ разноцвѣтномъ полѣ. Тѣнистые сады дышутъ тихою прохладой и изъяснымъ ароматомъ среди многочисленныхъ двориковъ Шарбудуна. Въ одномъ изъ дворовъ широкая рѣшетчатая галлерея, вся завѣшанная сверху тяжелыми гроздьями еще неспѣвшего винограда. Дворецъ вообще довольно простъ, и вся роскошь его сосредоточивается на отдѣлкѣ фасадовъ и входовъ. Внутри богато отдѣланы только нѣсколько комнатъ, такъ-сказать, официальныхъ. Остальныя самыя обыкновенныя и нѣсколько не типичныя. Впрочемъ, когда эмиръ не живетъ здѣсь, мебель и вещи, украшающія комнаты, убираются въ кладовыя, такъ что мы видимъ теперь дворецъ въ его, такъ-сказать, ободранномъ видѣ. Даже ковры, и тѣ постланы далеко не вездѣ, а большею частью сложены другъ на другъ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ. Но все-таки довольно ихъ еще и лежатъ на полу и висятъ на стѣнахъ. Ковры эти—верхъ красоты и баснословныхъ цѣнъ. Такого рѣдкаго собранія ковровъ не часто встрѣтишь даже и въ Азіи,—этой классической странѣ ковровъ. Однакоже изумительна и ихъ громадность, и тонкое изящество ихъ восточнаго рисунка и чарующая гармонія ихъ тоновъ. Особенно хороши ковры, вытканые по бѣлому фону тончайшимъ узоромъ самыхъ изъясныхъ красокъ.

Но ковры здѣсь не только на полу и диванахъ, не только тканые изъ шерсти. Всѣ стѣны и потолки дворца, всѣ его фасады и входы, — въ сущности тѣ же персидскіе, бухарскіе, текинскіе и индійскіе ковры своего рода.

Тѣ же фантастическія арабески узоровъ, та же мягкая радующая глазъ пестрота колера. Только ковры эти — мастерская алебастровая штукатурка, дивно вылепленная, дивно раскрашенная. Потолки—это главная красота и главная роскошь восточныхъ дворцовъ и храмовъ. Ни одинъ потолокъ не похожъ здѣсь на другой. Каждый вылепленъ по-своему, нигдѣ ровной поверхности, вездѣ какія-нибудь глазатыя круглыя ячейки, альковчички, ступеньчатые сводки, переплеты, рѣшеточки, и все это словно выстлано въ глубинѣ драгоцѣнною кашмировою шалью или сквозитъ зеркальными стеклами.

Въ стѣнахъ—ниши и шкапчики на каждомъ шагу и на всякой высотѣ. Это характерная особенность восточной комнаты, замѣняющая изъясную мебельровку. Иные шкапчики, гипсовые въ желтыхъ полочкахъ, раздѣлены на уютныя ящички. Тамъ ставится

разная посуда и дорогія бездѣлушки. А иногда и эти ниши, и шкапчики и сами стѣны изъ сверкающихъ пазцовъ расписаны въ обычномъ пестромъ вкусѣ Востока.

Гипсовые переплеты оконъ тоже затѣйливаго узора. Даже зеркала, обильно украшающія стѣны и большею частью вставлены въ зеркальныя же рамы, раздѣлены сверху стекла гипсовыми фигурами. Одна зала кругомъ зеркальная, и вы чувствуете себя, войдя въ нее, будто внутри какого-то огромнаго граненаго кристалла. Самая парадная и самая обширная комната дворца—это тронная зала, въ которой эмиръ принимаетъ посольства и собираетъ совѣтъ; она ярко расписана красками по стѣнамъ и потолку и украшена богатыми коврами. Тронъ эмира—тяжелое рѣзное кресло съ тончайшею мѣдною инкрустаціей. Есть во дворцѣ и другія характерно разукрашенныя комнаты: столовая эмира, спальня, дѣтскія. Въ дѣтской цѣлый огромный столъ заваленъ кучами игрушекъ, очевидно, европейской фабрикаціи, и въ стѣнахъ подвѣшены все крошечныя шкапчики съ полками.

Но какъ ни оригинальна и ни миловидна внутренняя отдѣлка эмирова дворца, все-таки далеко ей до настоящей восточной роскоши и настоящаго восточнаго изящества каирскихъ и стамбульскихъ дворцовъ. Все-таки сейчасъ чувствуется, что это не обиталище какого-нибудь халифа или султана богатой и сильной страны, а жилище полукочеваго хана, вождя грубыхъ халатниковъ и такого же халатника какъ они, чуждаго утонченнымъ вкусамъ Араба...

Мы добросовѣстно обѣгали всѣ амфилады пустыхъ комнатъ, облазали всѣ мезонины и чердачки, всѣ террасы и галлерей дворцовыхъ флигелей. Толпа праздныхъ слугъ всюду провожала насъ. Водившій насъ смотритель дворца, почтенный сѣдой бородачъ, то и дѣло кланялся намъ, прикладывая руку къ сердцу, и, разставаясь съ нами, извѣщая въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, что перваначи-бегъ (нѣчто въ родѣ министра Иностранныхъ Дѣлъ), не предупрежденный заранѣе о нашемъ пріѣздѣ, не могъ распорядиться объ угощеніи насъ обычнымъ дастарханомъ. Пришлось одарить русскими рублями не только дворцовыхъ слугъ, но и дворцовое начальство, которое, несмотря на сановитость свою, съ большимъ почтеніемъ и удовольствіемъ приняло нашъ скромный даръ.

На дворѣ мы увидѣли солдатъ эмира, одѣтыхъ въ русскую форму и продѣлывавшихъ по-русски свои военные приемы. Мы

не могли удержаться отъ смѣха, увидѣвъ среди площади двора эти потѣшныя каррикатуры на русское войско. Ихъ обезьяньи рожи изъ оборванныхъ куртокъ русскаго покроя, въ спалающихъ съ нихъ измазанныхъ грязью рейтузахъ, смотрѣли чѣмъ-то такимъ неопытнымъ, жалкимъ и гадкимъ, что трудно было угадать въ нихъ тѣхъ самыхъ молодцовъ-Бухарцевъ, какихъ мы только что видѣли на базарахъ и улицахъ ихъ роднаго города, въ родныхъ имъ яркихъ чалмахъ и нестрыхъ халатахъ.

Русское правительство находитъ болѣе удобнымъ для себя сохранить власть бухарскаго эмира надъ его старыми ханствами. Это выходитъ дешевле и проще. Конечно, при этомъ порядкѣ не нужно много войска, не нужно огромныхъ расходовъ на судъ, полицію, тюрьмы, пути сообщенія... Здѣсь все ведется по старому, — и правосудіе и администрація. Ничего сложнаго, никакихъ дорогихъ окладовъ и бюджетовъ. Халатникамъ такой порядокъ, пожалуй, больше по плечу, чѣмъ стѣснительная для нихъ канцелярія и невѣдомыя статьи чуждаго закона. Религіозно-жизненскія предписанія шариата для нихъ священны, понятны и привычны. Но одно въ ихъ жизни ужасно, — это рабская зависимость каждаго Бухарца, простаго поденщика такъ же точно, какъ перваго сановника, отъ произвола своего эмира. Онъ безусловно владыка надъ ихъ имуществомъ, ихъ дѣтьми, ихъ головой.

Улемы и имамы, толкующіе по Корану обязанности государя, разумеется, имѣютъ большое вліяніе на своего эмира и въ сущности сильно ограничиваютъ его произволъ. Но эта гарантія правъ слишкомъ шаткая и далеко не всякому доступная. Во время пребыванія въ Бухарѣ нашего извѣстнаго путешественника Миддендорфа бухарскій эмиръ, какъ притворъ, безъ всякой церемоніи отобралъ отъ всѣхъ своихъ высшихъ придворныхъ чиновъ подарки, которые имъ прислалъ Русскій Императоръ, а за нѣсколько времени предъ этимъ старшій сынъ эмира приказалъ имъ за что, ни про что зарѣзать нѣсколькихъ богатыхъ мѣщанъ, лучше сказать, банкировъ Бухары, и ограблять ихъ лавки. Оттого богатые люди все-таки стараются здѣсь скрывать свое богатство, чтобы не возбудить жадности эмира, а это, конечно, невыгодно отражается на мѣстной торговлѣ и промышленности. Взятничество здѣсь развито до невозможной степени, и самъ эмиръ раздаетъ своимъ любимцамъ въ кормленіе должности и пропитанію. Деньги тутъ дѣлаютъ рѣшительно все. Но обирая

безцеремонно свой народъ и собственными руками и руками своихъ чиновниковъ и хладнокровно проливая безъ малѣйшей жалости кровь людей, владыка Бухары вынужденъ постоянно жить въ какомъ-то осадномъ положеніи, въ вѣчномъ недоверіи и страхѣ даже по отношенію къ ближнимъ имъ людямъ. Вѣроломство и жестокосердіе, исторически укоренившіяся въ обычаяхъ Бухарцевъ, обращаютъ обыкновенно каждое новое царствованіе въ кровавую баню своего рода, гдѣ явно или тайно, желѣзомъ, ядомъ, или веревкой, новый повелитель старается прежде всего отдѣлаться навсегда отъ опасныхъ ему родственниковъ и друзей прежняго владыки, хотя бы они были ближайшіе родственники ему самому. Еще недавно доходило до того, что при выѣздѣ эмировъ изъ Бухары даже сыновья ихъ обязывались уѣзжать изъ города, въ предупрежденіе заговоровъ и возстаній. Въ своихъ расписныхъ дворцахъ эмиры обыкновенно живутъ какъ въ тюрьмѣ, не смѣя свободно съѣсть кусокъ хлѣба и выпить стаканъ воды. Купъ-бегъ, — ихъ правая рука, ихъ великій визирь, единственное лицо, которому они волей-неволей должны довѣряться, — обязанъ прежде самъ испробовать всякое кушанье, которое готовится эмиру, закрыть его послѣ того крышкой, замкнуть крышку на ключъ и запечатать собственной печатью. Только съ такими предосторожностями кушанье можетъ быть подано эмиру. Исключительное довѣріе, которымъ пользуется у эмира купъ-бегъ, дѣлаетъ его почти безконтрольнымъ правителемъ всей страны. Всѣ выгодныя и важныя должности обыкновенно раздаются его родственникамъ и друзьямъ; въ рукахъ купъ-бегъ сосредоточивается главное распоряженіе пошлыми и сборами всякаго рода, обогащающее его и его близкихъ на глазахъ всѣхъ. Бѣднымъ же людямъ живется при этихъ порядкахъ не особенно удобно. Хотя Бухарецъ и хвастается, что „будь ему долженъ самъ эмиръ, — казій присудитъ ему взыскать долгъ и съ самого эмира“, однако эта прямота и правдивость судей больше остаются въ разсказахъ о золотомъ старомъ времени, чѣмъ въ живой дѣйствительности. На богатаго и знатнаго тутъ не найдешь суда. Въ то же время трудовой классъ обложенъ далеко не пустыми поборами. Большая часть земель принадлежитъ эмиру, и бадаулетъ взыскиваетъ обыкновенно съ своихъ фермеровъ около половины жатвы. Даже и собственники земли должны платить немало: десятую часть дохода въ видѣ десятины (зпкаты) и потомъ еще налогъ на бѣдныхъ (укръ) и разные другіе.

Впрочемъ я говорю все это о недавнемъ времени, пока Россія не стала выѣшиваться во многіе внутренніе распоряженія ханства и понемножку отучать бухарское правительство, по крайней мѣрѣ, отъ самыхъ возмутительныхъ его обычаевъ.

Бухарскій народъ не только находится въ рабской зависимости отъ своего хана, но и рабски выражаетъ ему свою почти-тельность. При появленіи эмира на улицѣ, движеніе толпы разомъ прекращается; всадники соскакиваютъ съ лошадей, арба-кеши съ своихъ арбъ, прохожіе останавливаются какъ вкопан-ные на улицѣ и вытягиваются рядами; при приближеніи вла-дыки всѣ эти ряды людей почтительно преклоняютъ предъ нимъ свои главы, иные даже падаютъ ницъ, сознавая свое недостой-ство лицезрѣть нечестивыми очами свѣтлый образъ эмира-аль-муменна.

Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться, зная все это, добро-вольному ослѣпленію Англичанъ которые изъ закоренѣлой не-нависти къ Россіи готовы видѣть даже въ грубомъ деспотизмѣ потомковъ Чингиса идеальное правительство своего рода. Борнсъ, въ своей извѣстной книгѣ, упомянутой мной раньше, высказы-вается, напримѣръ, о Бухарѣ такіа наивныя сужденія: „во всей Азіи нѣтъ края, въ которомъ бы всѣ классы населенія были такъ покровительствуемы во всемъ. Не-мусульмане должны только соблюдать небольшое число предписанныхъ обычаевъ, чтобы быть во всемъ остальномъ на одномъ уровнѣ съ правотѣрыми. Кодексъ законовъ кровожаденъ, но тѣмъ не менѣе не спра-ведливъ“.

„Вообще, увѣряетъ Борнсъ, народъ здѣсь счастливъ, край цвѣ-тущъ, торговля процвѣтаетъ, собственность ограждена.“

Сейчасъ видно, что это говоритъ наблюдатель, которому не позволялось днемъ показываться на улицѣ, котораго не пускали въ двери магометанскихъ домовъ и отнимали чернила, чтобы онъ не могъ записывать то, что видѣлъ. Но какъ мало похожи эти легкомысленные выводы бѣлаго и пристрастнаго англійскаго туриста на все то, что намъ рассказываютъ о Бухарѣ наши зна-токи Востока, по-долгу жившіе въ ней, въ корнѣ изучившіе ее, и даже—на то, что успѣли видѣть въ „благородной Бухарѣ“ сами мы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Е. Марковъ.

тр
С:
ко
гр
тв
лг
ш
от
за
Л:
н